

скій видѣлъ причину этого явленія отчасти въ галльскомъ характерѣ, отчасти же въ вліяніи одряхлѣвшей римской цивилизаціи. О произведеніяхъ галльскихъ ораторовъ онъ говорилъ, что они отзываются *старческимъ* безсиліемъ и въ то же время *дѣтствомъ*, въ которое впадаютъ иногда отживающіе люди и народы“. Кудрявцевъ же, соглашаясь съ этимъ отзывомъ насколько онъ касался тогдашнихъ римлянъ, находилъ въ галльской литературѣ признаки *другого* совсѣмъ дѣтства. Проводя аналогію съ латинской литературой итальянскаго *возрожденія*, Кудрявцевъ утверждалъ, что риторичность и подражательность въ языкѣ и формѣ равно могутъ служить признакомъ старческой, „переживающей свое послѣднее время, литературы“, „какъ и зарождающейся вновь по чужимъ образцамъ“: „что въ отношеніи къ римлянамъ прямо свидѣтельствуетъ о несомнѣнномъ упадкѣ поэтической производительности и истиннаго вкуса между ними, то же самое въ приложеніи къ другому, болѣе молодому народу, можетъ только служить доказательствомъ незрѣлости его понятій и неопытнаго пристрастія къ внѣшнимъ формамъ. Для начинающихъ самое главное въ искусствѣ—форма; и сколько разъ повторялось извѣстное явленіе, что литература, которая начала съ подражанія, долгое время не могла подвинуться далѣе усвоенія себѣ нѣкоторыхъ внѣшнихъ приемовъ и поставляла всю свою задачу въ умѣнѣи употреблять ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Какое ни дайте содержаніе новичкамъ въ литературной дѣятельности, они прежде всего постараются испытать на немъ свое формальное искусство“.

При такомъ взглядѣ на литературу V в. должна была измениться и точка зрѣнія на самого Аполлинарія Сидонія, въ которомъ Кудрявцевъ видѣлъ не столько плодъ вымирающей латинской образованности, сколько представителя молодой въ цивилизаціи галльской народности. Не то, чтобы ему, вслѣдствіе этого, стало болѣе симпатично риторическое направленіе; онъ его слишкомъ близко видѣлъ около себя. „Какъ должны завидовать, — восклицаетъ Кудрявцевъ, — запоздалые риторы нашего времени Сидонію и его современникамъ! Тогда ихъ искусство вѣнчалось даже поэтическою славою, хитросплетенная фраза заслуживала своему автору дипломъ на поэтическое достоинство. Двумя-тремя громкими панегириками можно было проложить себѣ дорогу къ безсмертію“.

Но это нерасположеніе къ риторству не ослѣпляло историка и не мѣшало ему отыскивать за риторомъ челоуѣка. Крупною слабостью въ характерѣ Сидонія является шаткость его полити-